

ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ИНОРОДЧЕСКИМИ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

На основе анализа широкого круга источников рассматривается деятельность инородческих органов местного самоуправления на юге Российской империи в XIX – начале XX в. по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. Сделан вывод о том, что имперские органы власти, интегрируя действующее законодательство в существующую систему обычного права кочевников, возлагали на органы местного самоуправления ответственность за обеспечение общественного порядка и общественной безопасности.

Ключевые слова: инородцы; органы местного самоуправления; общественный порядок; родовые общества; приговор.

Юг Российской империи издревле был заселен кочевыми народами. Юго-восточную, равнинную часть населяли кочевые народы, численность которых, по мнению И.В. Бентковского, «насчитывается до 90 000 разных кочующих народов: калмык, тухмен, киргизов, едисанцев, едишкульцев, джембулукцев и карангайцев» [1. С. 2]. Географические и природно-климатические особенности данного региона обусловили интерес к нему со стороны кочевников, основным типом хозяйствования которых являлось экстенсивное скотоводство.

Изменение административно-территориального статуса региона в конце XVIII – начале XIX в. привело в 1796 г. к ликвидации института наместничества и образованию в 1802 г. Кавказской губернии, а в 1822 г. – к переименованию ее в Ставропольскую. Правовой статус конгломерата различных кочевых сообществ, образованных по этническому принципу, регулировался имперскими правовыми актами. Детализация системы управления, в том числе кочевниками на территории Кавказского края, была проведена в Высочайше утвержденном 6 февраля 1827 г. учреждении для управления Кавказской областью [2]. Отделение I главы VI «Управление инородных» посвящено системе управления и самоуправления внутренних, т.е. «обитающих в пределах области» инородцев. Статья 133 данного документа гласит: «Кочующие инородцы, так-то: Ногайцы и других наименований магометане, управляются особенным начальством, на основании их степных обычаев и обрядов, и на основании особенных об них правил» [3]. Согласно статье 7 «Устава для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области», каждому аулу «предоставляется иметь аульного старосту и десятого, буде аул не менее десяти кибиток». В статье 12 оговорены условия избрания выборных должностных лиц местного самоуправления, а в ст. 13 указывается срок, на который избираются выборные [Там же]. В Отчете начальника Ставропольской губернии П.А. Брянчанинова за 1859 г. приводятся сведения о территории губернии и распределении территории между оседлыми и кочующими народами. Из него следует, что «губерния занимает до 9 857 637 десятин и 1 872 сажени, или около 94 791 $\frac{1}{2}$ квадратных верст, из коих 3 906 933 десятины 329 сажень принадлежит кочующим инородцам, а 3 051 428 десятин 2 021 сажень казакам Кавказского линейного войска, под лесами числится $\frac{1}{200}$ часть» [4. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5338. Л. 1]. Далее отмечает-

ся, что под общим названием магометанских народов в степной и маловодной части губернии кочуют ногайские и тухмянские племена [4. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5338. Л. 27]. Анализ положений вышеуказанных статей позволяет сделать вывод о том, что данными нормативными правовыми актами было закреплено право ногайцев и туркмен на самоуправление.

21 октября 1859 г. был издан императорский указ, согласно которому «Калмыцкая степь в Ставропольской губернии с кочующей на оной калмыками Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса с их управлениями подчинить Главному приставу магометанских народов кочующих в Ставропольской губернии, и затем ему Главному приставу именоваться Главным приставом кочующих народов в Ставропольской губернии» [5. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 121. Л. 9–10].

Таким образом, с 1860 г. калмыки Большедербетовского улуса в составе 11 родов, 18 аймаков, 50 хотонов перешли в подчинение Главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии [6. С. 257]. Для управления улусом было учреждено улусное управление, ставка которого до 1875 г. находилась в урочище Дудаки, а затем была переведена в с. Ивановское Медвежинского уезда.

Предметом исследования данной статьи является деятельность инородческих органов местного самоуправления на юге Российской империи XIX – начала XX в. по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

Автор не ставит своей целью рассмотрение правовых аспектов общественного порядка и безопасности, а на основе анализа документальных материалов из фондов Национального архива Республики Калмыкия и Государственного архива Ставропольского края акцентирует внимание на деятельности органов местного самоуправления в указанный период с целью обеспечения общественного порядка.

Местное самоуправление в кочевых обществах юга России имеет богатейший опыт, деятельность последних регулировалась еще нормами обычного права. В Калмыцкой степи, по мнению проф. К.Н. Максимова [7. С. 54], институт местного самоуправления на законодательном уровне впервые был закреплен Высочайше утвержденным Положением об управлении калмыцким народом 1847 г. [8]. Статья 14 главы II «О личных правах калмыков» гласит: «Калмыки имеют право составлять улусные и аймачные

сходы для совещания по делам общественной надобности и для выбора в общественные должности». Согласно данному законодательному акту, к полномочиям улусных и аймачных сходов как выборных органов местного самоуправления относились: выбор должностных лиц; раскладка натуральных повинностей; назначение к малолетним сиротам опекунов и учет их; совещание по вопросам местного значения; составление «приговоров о предоставлении буйной и развратной жизни калмыков в распоряжение правительства» и т.д. [8]. Приговор – это результат творчества органов местного самоуправления Калмыцкой степи в лице улусного или аймачного сходов.

Согласно вышеуказанному Положению, решением аймачных старшин, хотонных старост и выборных лиц, избранных для участия в работе схода, проводилась раскладка натуральных повинностей, определялись направления социальной политики и обеспечивался общественный порядок на территории улуса, административно-территориальной единицы Калмыцкой степи. Соответственно, указанные правовые нормы распространялись и на калмыков Большедербетовского улуса, но уже в составе Ставропольской губернии.

К сожалению, в имперской правовой практике документов, регулирующих непосредственно правовой статус ногайцев или туркмен, не было разработано. Между тем положения Учреждения для управления Кавказской областью предусматривали механизм деятельности системы судопроизводства, согласно которому преступления классифицировались на общественные, частные и исковые. К общественным были отнесены: измена, возмущение в народе, побег за границу со злым умыслом и т.д. Ко второму роду – убийство, грабёж и насилие, поджоги и т.д. И к третьему – все не причисленные к вышеупомянутым двум родам. Согласно ст. 143 Учреждения, «Дела исковые разбираются первоначально через посредников и Внутренним Управлением инородцев, на основании их обычаев и обрядов». Фарфоровский на основе правоприменительной практики дополняет: «В настоящее время согласно 429 статье, II тома, 2 части Свода Законов Российской империи, исковые дела у тухмен разбираются посредниками и внутренним управлением инородцев, в случае же, если иск превышает 30 руб., – в мировых и общих судебных учреждениях» [9. С. 11].

Общественный порядок – это состояние в обществе, характеризующееся взаимоважным поведением его членов, основанном на соблюдении социальных норм, господствующих на данном этапе. Одновременно охрана общественного порядка и общественной безопасности является одной из форм реализации правоохранительных функций государства.

Рассматривая систему взаимоотношений общества и государства в сфере обеспечения охраны общественного порядка, российский юрист В.Н. Лешков считал, что главное предназначение государства заключается в обеспечении (посредством законодательства, правосудия, полиции, армии и т.п.) прав общества на самостоятельность, саморазвитие, самосохранение и самоуправление. Поскольку общество характеризуется многообразием интересов, задачей государства является приведение этих интересов к обще-

му знаменателю, общей пользе. С этой целью государство и наделяется властными полномочиями, в то время как общество действует на началах выборности и самоуправления [10. С. 30–31]. Согласно концепции полицейского права И.Е. Андреевского, общество и государственные органы выступают практически равноправными субъектами этой деятельности. Причем, чем «более развивается общество, тем шире делаются его предприятия относительно создания условий безопасности и благосостояния, и тем более может сокращаться непосредственное участие правительства» [11. С. 18–19].

Деятельность инородческих органов местного самоуправления по обеспечению общественного порядка и безопасности осуществлялась в следующих направлениях, которые будут проиллюстрированы конкретными фактами, выявленными в архивных фондах.

1. Соблюдение «паспортного» режима. Обеспечивая общественный порядок на определенной территории, аймачные старшины и хотонные старосты, прежде всего, отвечали за учет численности и состава проживающего на подконтрольной территории населения. По утверждению З.М. Блиевой, «представителям кочевых народов было запрещено покидать пределы своих поселений без особого подорожного паспорта (“билета”)» [12. С. 108]. Согласно делопроизводственной практике, существовала так называемая приписка к обществу и отобрание вида на жительство. Так, сход по представлению выборных должностных лиц рассматривал заявления с просьбами о приписке к обществу. Например, Ики-чоносковский аймачный сход Манычского улуса, состоявшийся 23 апреля 1914 г., рассмотрев заявление крестьянина с. Троицкого Семена Яковлева Молчанова и полицейского стражника Михаила Щепы «о принятии их в нашу среду», вынуждено было отказать заявителям. Отказ был обоснован тем, что земельный дефицит при увеличении численности аймака мог спровоцировать конфликтные ситуации, кроме того «появление нового члена общества влечет за собой много хлопот по устройству их жизни, а этих хлопот у нас итак много, ибо с каждым годом неимущих, вдов и сирот все прибавляется» [5. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2483. Л. 2].

«Отобрание вида на жительство», т.е. лишение однообщественника большинством участников общественного схода права проживать на определенной территории, в данном случае аймака или хотона, за неправомерные поступки. Правонарушитель мог сам обратиться к однохотонцам за поддержкой. Например, согласно постановляющей части аймачного приговора от 7 сентября 1886 г. Бюрчи Нимгиров был выдворен из общества по причине «пьянства и карточной игры». Лишенный вида на жительство Нимгиров обратился «со словесной просьбой к обществу об оставлении его в среде себя, обещаясь перестать впредь, заниматься предосудительными поступками», на что общество выразило в постановляющей части приговора свое согласие, ходатайствуя перед попечительской властью «об оставлении его в нашей среде, за которым будем обязаны иметь строгий общественный надзор» [13. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 1970. Л. 31]. Пример из судебной практики Караногайского пристав-

ства свидетельствует о наличии телесного наказания как вида в юрисдикции родовых обществ. Так, пристав ачикулак-джембулуковского, едисанского и едишкульского народов в своем рапорте приставу кочующих народов Ставропольской губернии сообщает, что «общество почетных карангайцев приговором, состоявшимся и утвержденным 29 июня 1864 г. определило Камбулата Кошеева и Кулай Кожаева за воровство одной коровы и быка, как самознавшихся и избличенных в воровстве, розгами при ставке по 25 ударов» [14. Ф. 249. Оп. 2. Д. 30. Л. 12].

2. *Обеспечение защиты однородцев.* Общество в лице органов местного самоуправления не только стремилось избавиться от правонарушителей, но и осуществляло защиту своих членов, причем при разных обстоятельствах. Так, например, на Бурульском аймачном сходе калмыков, состоявшемся 15 апреля 1914 г., рассматривался вопрос о судьбе однообщественника Эрдни Кекеева Азыдова, который был заключен под стражу в улусной тюрьме за проступки в должности аймачного писаря и аймачного старшины. При этом участники аймачного схода акцентируют внимание на том, что данный человек пользуется репутацией общественного деятеля.

Так, «Эрдни Кекеев Азыдов был избран выборным на аймачный и улусный сходы, членом-Казначеем и Заведывающим делами Бурульской ссудо-вспомогательной кассы, членом Бурульской Аймачной строительной комиссии по сооружению хурульного здания – Сюме (имени Его Императорского Величества Возлюбленного нашего Белого Царя Николая Александровича II-го), а также по выбору г. Астраханского Губернатора Членом Черноярско-Енотаевской Землеустроительной комиссии, как достойный и уважаемый человек, уже два трехлетия. Постройка школы в нашем аймаке принадлежит всецело его инициативе и заботам и в знак признательности обществом избран Попечителем этой школы. По его исключительно стараниям вот уже 4–5 лет как у нас нет ни краж, ни грабежей скота, ни пьянства среди калмыков...» [5. Ф. И-9. Оп. 9. Д. 14. Л. 4 об.]. В приговоре отмечается, что «в истории следственной части калмыцкой степи очень мало найдется случаев применения такой строгой меры к самым профессиональным уголовным преступникам, коих ожидала самая высшая мера наказания» [Там же. Л. 4]. В постановляющей части документа общество просит следственные и судебные органы изменить меру пресечения по отношению к Эрдни Кекееву Азыдову и передать его на поручительство общества Бурульско-го аймака под денежный залог, размер которого также просят определить. «Взять на поруки» – исторически выработанная система коллективной ответственности общества за отступившихся однообщественников. В XIX в. в Российской империи эта мера наказания предусматривалась нормами Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.

Родовые общества, взяв на поруки правонарушителя, создавали такие условия, при которых последний должен был стать законопослушным его членом. Материалы следующего архивного дела свидетельствуют о том, что органы местного самоуправления

стремились взять на поруки своих однообщественников-правонарушителей, тем самым избавив их от уголовного наказания, но если данная мера не имела успеха и имели место рецидивы, то общество вынуждено было обращаться к попечительской администрации. Например, решением Ики-Чоносовского аймачного общества калмыков от 26 октября 1912 г. «в распоряжение Правительства за порочное поведение был передан калмык Ноха Дорджи Манджиев» [5. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 17. Б/л.]. За кражу скота Ноха Дорджи Манджиев неоднократно привлекался к уголовной ответственности, но по инициативе и решению своих однообщественников, которые брали его на поруки, избегал наказания. Анализ делопроизводственной документации Управления калмыцким народом позволил сделать вывод о том, что имели место обратные случаи. Аймачное общество по приговору схода просит местные власти принять меры в отношении ряда лиц, занимающихся скотокрадством. В ответ на указанное ходатайство попечительская администрация сообщает о том, что губернатор приказал «отдать их под надзор аймачных старшин или улусного попечителя» [Там же. Д. 295. Л. 6].

Данная система работала и в условиях, когда правонарушитель после отбытия наказания возвращался в родные кочевья. Сначала после уведомления со стороны органов попечительской власти собирался аймачный сход, где в повестку дня выносился вопрос о желании или нежелании принять в свою среду конкретного человека. После обсуждения и в случае вынесения положительного решения общество постановляло не только о приписке к обществу, но и осуществлении надзора за новым членом. Так, например, в приговоре аймачного схода, состоявшегося 21 июня 1887 г. на урочище «Кецен-Булук», зафиксировано решение его участников о том, что «принять в свою среду Мучку Оматиева и иметь за ним надзор» [13. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 1970. Л. 18 об.].

3. *Оказание помощи судебным органам.* К обязанностям выборных должностных лиц местного самоуправления относилось также создание условий для эффективной работы судебно-следственных органов. К примеру, аймачные старшины должны были уведомить заседателей Зарго о проведении судебного заседания, о чем расписку предоставить в улусное Зарго. Кроме того, необходимо было обеспечить явку на судебное слушание ответчиков по гражданскому судопроизводству и обвиняемых по уголовному. В случае неявки указанных лиц и отсутствия второго экземпляра повестки с подписью о получении уведомления, старшина привлекался к ответственности с вынесением штрафных санкций [15. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 439. Л. 18].

Розыск отдельных категорий лиц по указанию судебного органа также осуществлялся должностными лицами органов местного самоуправления. Судебное производство в отношении калмыка Большедербетовского улуса Ставропольской губернии Манджика Бадминова за кражу узды завершилось вынесением решения о присуждении денежного штрафа в размере 50 коп. На имя старшины Икичоносова рода, где проживал виновный, было передано предписание от

29 июня 1916 г. о взыскании указанной суммы и передаче их улусному попечителю. Уже 17 августа того же года аймачный старшина Овше Мусынов в рапорте докладывает о том, что Манджик Бадминов, калмык Астраханской губернии, временно проживавший в Большедербетовском улусе, на данный момент выбыл в неизвестном направлении, в связи с чем штраф с него не взыскан. 5 сентября 1916 г. улусное Зарго предписывает аймачному старшине выяснить место прописки упомянутого калмыка. В ответ на данное предписание Овше Мусынов о результатах своего расследования сообщает в рапорте от 20 января 1917 г. за № 45 о том, что согласно сведениям, представленным сестрой Манджика Бадминова, проживающей в Икичоносом роде, последний «живет в Астраханской губернии Малодербетовского улуса Оргакинова рода в хотоне Бура-товом» [15. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 439. Л. 8].

4. *Финансирование деятельности по обеспечению общественного порядка.* В июле 1837 г. императором Николаем I было утверждено Положение о земской полиции, в котором были четко определены функции сельской полиции и ее должностных лиц. Главной задачей сельской полиции являлось «охранение общественного спокойствия, благочиния, смирения всякого действия, противного верноподданническому долгу и послушанию, донесение о том начальству; предупреждение и прекращение всяких непопозволенных и соблазнительных сборищ; принятие, в случае нужды, особенных мер для безопасности какого-либо селения, дома или частного лица...» [16].

В кочевых обществах калмыков, туркмен и ногайцев на средства органов местного самоуправления создавались должности полицейских стражников. Состоявшийся 16 декабря 1906 г. аймачный сход общества калмыков Зюнева рода в составе 8 аймачных старшин, 25 хотонных старост и 112 выборных принял решение в связи с участвовавшими случаями «хищничества, расстраивающее скотоводческое хозяйство, а иногда в конец разоряющее малоимущих калмыков» [5. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 295. Л. 3] просить Управление калмыцким народом назначить стражника с жалованьем 300 руб. в год за счет родовых сумм. Уже 22 января 1907 г. было получено решение вышестоящих властей об учреждении должности пунктового стражника «при условии предварительного сбора денег на содержание его не менее, как на три месяца и принятия на себя обществом расходов по вооружению» [Там же. Л. 6]. Несмотря на то что общества выражали инициативу и самостоятельно осуществляли финансирование полицейских органов, по-прежнему существовали определенные трудности их комплектования из-за недостатка подготовленных

сотрудников, низкой заработной платы и популярности полицейской службы.

В этом же направлении следует выделить ассигнование средств на этапирование. Например, 17 февраля 1914 г. аймачный сход, состоявшийся на урочище Кецин Булук, в составе 1 старшины, 3 хотонных старост, 43 выборных от 5 кибиток принял решение «об ассигновании 25 руб. из аймачного капитала на пересылку в Сибирь однообщественника нашего Ноха Дорджи Манджиева» [5. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 17. Л. Б/л].

Таким образом, деятельность органов местного самоуправления кочевников юга Российской империи осуществлялась по двум основным направлениям: непосредственно осуществление правосудия и предотвращение совершения противоправных поступков, а также финансирование деятельности правоохранительных органов.

В случае же совершения правонарушения представителем органов местного самоуправления он подлежал исключению из числа выборных и на аймачном сходе на его место избирался новый кандидат. К примеру, попечитель Большедербетовского улуса в рапорте главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии докладывает о том, что калмык Бага Бурулова рода Педор Кюкенов за укрывательство кражи приговором Ставропольского окружного суда по Медвежинскому уезду, состоявшегося 27 февраля 1896 г., подвергнут тюремному заключению на два месяца. На основании судебного решения П. Кюкенов был исключен из числа выборных [14. Ф. 249. Оп. 2. Д. 30. Л. 21].

Центральные и региональные органы управления на национальных окраинах стремились на местах проводить гармоничную политику, синтезируя имперское законодательство с нормами обычного права, предоставляя инородцам право на самоуправление, в том числе и на осуществление правосудия. При этом на институт местного самоуправления возлагалась ответственность за обеспечение общественного порядка и безопасности, от поручительства за нарушивших закон однообщественников до финансирования этапирования правонарушителей до места отбывания наказания. Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии П.З. Ланко, анализируя состояние преступности среди кочевников, иронично отмечал: «В 1866 г. из всего числа калмыков, обитающих в пределах Ставропольской губернии, состояло под судом и следствием всего только 12 человек, т.е. один подсудимый приходится на каждые 340 душ населения, пропорция весьма утешительная для народа, ведущего кочевой образ жизни» [17. С. 80].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бентковский И.В. Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 32. 34–35.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1827. № 877. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1830. Т. II. Отд. 2-е. 1560 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1827. № 878. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1830. Т. II. Отд. 2-е. 1560 с.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее ГА СК). Ф. 101.
5. Национальный архив Республики Калмыкия (далее НА РК). Ф. И-9.
6. Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII по 1920 г. Справочник / под ред. Е.И. Домова, В.В. Белоконов, Г.А. Никитенко. Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов ; Государственный архив Ставропольского края, 2008. 400 с.

7. Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М. : Республика, 1995. 320 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1847. № 21144. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1848. Т. XXII. Отд. 1-е. 950 с.
9. Фарфоровский С.А. Народно юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии. Этнографический очерк. Ставрополь : Электропечатня Вайнблат, 1909. 17 с.
10. Лешков В.Н. Общественное право. М., 1871.
11. Андреевский И.Е. Полицейское право. 2-е изд. СПб., 1874. Т. 1.
12. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX в. Владикавказ : Изд-во Осетин. гос. ун-та, 2005.
13. НА РК. Ф. И-15.
14. ГА СК. Ф. 249.
15. НА РК. Ф. И-48.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1827. № 10305. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1830. Т. XII. Отд. 1-е. 1560 с.
17. Ланко П. З. Отрывки из записок о калмыках Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии / под ред. Н.Н. Черноярского. Ставрополь : Типография губернского правления, 1868. Вып. 1. 243 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 марта 2017 г.

POLICING BY NON-RUSSIAN LOCAL GOVERNMENT BODIES IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 132–136.

DOI: 10.17223/15617793/427/17

Irina V. Lidzhieva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Elista, Russian Federation). E-mail: irinalg@yandex.ru

Keywords: non-Russians; local governments; public order; indigenous community; sentence.

The aim of this article is to examine the activities on ensuring public order and public security of non-Russian local authorities in the south of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries on the basis of the analysis of a wide range of sources. When Kalmyks, Nogais and Turkmens populated the steppe territory of Ciscaucasia and the Lower Volga they had already been integrated into the imperial legal system, yet preserved elements of self-regulation by customary law. The author aims to consider the legal aspects of public order and security, and based on the analysis of documentary materials from the collections of the National Archive of the Republic of Kalmykia and the State Archive of Stavropol Krai focuses on local government activities in this period in order to ensure public order. Public order is a state of society characterized by the behavior of shared values of its members based on the observance of social norms prevailing at this stage. At the same time the protection of public order and public security is a form of implementation of the law enforcement functions of the state. The study analyzed the record keeping documentation of the local authorities, judicial bodies, the Office of the Chief Police Officer of the Nomadic Peoples of Stavropol Province, the Office of the Kalmyk People of Astrakhan Province found in the National Archive of the Republic of Kalmykia and in the State Archive of Stavropol Krai. The territorial scope of the study covers the boundaries of the Kalmyk steppe of Astrakhan Province and the territory inhabited by the nomadic peoples of Stavropol Province. The study was based on scientific and objective principles. The author used the research methods of reconstruction, which restored individual facts and the local government's activities in this area, and comparison, which helped to analyze the local authorities' activities to ensure public order and security. The author concludes that the local government bodies of the nomads of the south of the Russian Empire worked in two main ways: (1) administered justice and prevented unlawful acts, and (2) funded law enforcement. The imperial authorities, integrating existing legislation into the customary law of the nomads, gave the local authorities powers to ensure public order and security in society.

REFERENCES

1. Bentkovskiy, I.V. (1879) Nashi kochevniki i ikh ekonomicheskoe sostoyanie [Our nomads and their economic status]. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti*. 32. pp. 34–35.
2. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection Two. 1827. 877. Vol. 2. Pt. 2. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva.
3. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection Two. 1827. 878. Vol. 2. Pt. 2. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva.
4. State Archive of Stavropol Krai (GA SK). Fund 101. (In Russian).
5. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. (In Russian).
6. Domov, E.I., Belokon', V.V. & Nikitenko, G.A. (eds) *Administrativno-territorial'noe ustroystvo Stavropol'ya s kontsa XVIII po 1920 g. Spravochnik* [Administrative-territorial structure of Stavropol from the end of the 18th c. to 1920]. Stavropol: Committee of Stavropol Krai for Archives; State Archive of Stavropol Krai.
7. Maksimov, K.N. (1995) *Kalmykiya – sub"ekt Rossiyskoy Federatsii* [Kalmykia as a subject of the Russian Federation]. Moscow: Respublika.
8. Russian Empire. (1848) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection Two. 1847. 21144. Vol. XXII. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva.
9. Farforovskiy, S.A. (1909) *Narodno yuridicheskie obychai turkmen Stavropol'skoy gubernii. Etnograficheskiy ocherk* [People's legal traditions of Turkmens of Stavropol Province. Ethnographic essay]. Stavropol: Elektropechatnya Vaynblat.
10. Leshkov, V.N. (1871) *Obshchestvennoe pravo* [Public law]. Moscow: [s.n.].
11. Andreevskiy, I.E. (1874) *Politseyskoe pravo* [Police law]. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. E. Pratsa.
12. Блиева, З.М. (2005) *Rossiyskiy byurokraticheskiy apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gody XIX v.* [The Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus at the end of the 18th c. – 1880s]. Vladikavkaz: Osetia State University.
13. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-15. (In Russian).
14. State Archive of Stavropol Krai (GA SK). Fund 249. (In Russian).
15. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-48. (In Russian).
16. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection Two. 1827. 10305. Vol. XII. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva.
17. Ланко, П. З. (1868) *Otryvki iz zapisok o kalmykakh Bol'shederbetovskogo ulusa* [xcerpts from notes on the Kalmyks of the Bolsheyderbetovskiy ulus]. In: Черноярский, Н.Н. (ed.) *Sbornik statisticheskikh сведений o Stavropol'skoy gubernii* [Collection of statistical information on Stavropol Province]. Is. 1. Stavropol: Tipografiya gubernskogo pravleniya.

Received: 05 March 2017